

Баки перевёл взгляд на худые, уже чуть узловатые пальцы рук. На левой какой-то тряпицей друид замотал большой палец. В глазах Баки снова мимолётно потемнело. Видят боги, он сам бы всё сделал. Он ни о чём не просил ещё, хоть и собирался. Его прошило острой болью внутри — непонятной, незнакомой и от этого страшной. Словно что-то там, под кожей, за дугами костей испортилось, сломалось ли. Пришло в негодность. Боль случалась, когда он смотрел на Стива. Когда тот делал что-то подобное. Что-то, что Баки не мог никак себе объяснить. Он склонил голову в неявном благодарном кивке и вернулся на своё ложе, на шкуру. Поудобнее уселся, отложил в сторону свёрток и наклонился ниже, принимаясь за своё заделье: недавно он начал переплетать рукояти всех своих ножей после охотничьего сезона заготовленными специально для этого мягкими кожаными ремешками-полосками. Старые местами совсем протёрлись, и оплётка свисала с рукояти, мешая охоте или разделке. У них были свои дела, у каждого. Баки закрылся волосами от чужого взгляда, оставив незавешенным место для света от очага, и принялся за работу. Однорукому всё было тяжело, но он наловчился крепко сжимать бёдрами лезвие и даже не думать о помощи. Изнутри пекло, как пекло всегда, когда они были один на один, разделённые только камнями и жаром очага.

Совсем недавно Стив открыл ему небольшой погреб — подземный схорон у дальней стены под наваленными шкурами и досчатой заслонкой. Места там было немного, едва ли сам Стив поместится, если присядет на корточки. Но оттуда тянуло стужей, не так, как на улице, и всё же. Места хватало для шести плотно сдвинутых в два рядка небольших бочонков, о содержимом которых Стив промолчал, а Баки привычно не стал спрашивать, и крюков, на которых ждали своего часа освежёванные и выпотрошенные тушки с удачной охоты. Совсем скоро мясо сможет храниться прямо на улице, на трескучем морозе. Баки добыл достаточно зайчатины, чтобы из содранных шкур собрать им со Стивом тёплые капюшоны на голову. И сейчас, пока рука была занята монотонной работой, он думал, думал о том, как бы справиться с этим делом самому. Без левой руки он чувствовал себя совершенно бесполезным в шитье. Он сидел и хмурился, крепко зажав лезвие ножа между бёдер. Как повернуть задуманное, если никак не выходило? От огня было тепло и светло, по ногам к животу поднимался жар. Его просаленные волосы свешивались и закрывали лицо от взглядов Стива, которые Баки чувствовал всё равно. Можно ли не чувствовать воск свечи на собственной коже? Он давно научился не замирать и не вздрагивать от озноба из-за них. Волосы его сильно отросли, и Баки, всё порывавшийся обрезать их хоть как-нибудь ножом, раз за разом терпел неудачу. Однажды он попытался зажать пряди бёдрами и обрезать их, но друид вернулся не вовремя, в этот самый момент, и Баки не стал при нём. Не захотел. Словно тот мог запретить или сказать хоть что-нибудь. Друид по обычаю молчал, обмениваясь за весь день парой слов. Молчание не давило на них, просто чувствовалось, как чувствуется запах дыма. Горчит на языке, да и боги с ним. Баки привык.

Он закончил с ножом и не успел отреагировать: метнулись тени, от чужого движения закачались языки огня в очаге. Друид вдруг оказался очень близко, немного постоял над ним и без слов сел рядом. Так тесно, что Баки не шарахнулся в сторону только потому что до сих пор зажимал лезвие ножа между ног. В руках у Стива оказались те самые шкурки, из которых Баки думал, да не мог придумать, как пошить зимние капюшоны. Баки вытащил нож и осторожно отложил в сторону. Медленно, потому что желание приставить его друиду к горлу на миг оказалось нестерпимым. Приставить к горлу и завалить, нависнуть сверху.

— Я буду держать, а ты коли дыры. Вместе управимся.

Баки поглядел на предложенное ему шило. На замотанный друидов палец. На шкурки, которые он ласково погладил своими костлявыми ладонями и вдруг растянул, чтобы Баки было удобнее. И, заставляя мысли заткнуться, принялся колоть по краю дыры для шва.

Они управились к глубокой ночи, когда глаза от монотонной работы начали слезиться, а плечо от прилагаемых усилий жгуче гудело.

На следующий день Баки забрал оставшуюся от перепела печёную ногу, нож, пращу и мешочек с камнями, оделся потеплее, всё, что было его, натянул на себя. И ушёл на весь день. Внутри берлоги его трясло. От одного взгляда на мерно вздымающиеся шкуры, под которыми спал друид, трясло. Ему пора было снова поплавать в ледяной воде. Вот только озеро то начало покрываться коркой острого льда. И Баки не стал повторять. Даже пошёл в другую сторону, где обычно не гулял и не охотился. Просто умыл лицо в первом попавшемся роднике, выпил несколько пригоршней воды, от которой заломило зубы.

Рассвет разливал алую сукровицу по небу. Такие густые рассветы Баки видел только в холодное время. Весенние и летние рассветы казались ему нежными и дымчатыми, мягкими, как подпушек у звериного меха. Осенние и зимние были совсем другими. Плотными, словно протяни он руку к небу — и сможет зачерпнуть этого цвета, запачкает в сукровице пальцы. На рассвете лес затих, и ветер устал тревожить и гнуть деревья. Ни птиц, ни звериной возни, только тихий шорох веток. Этот лес жил, Баки знал, чувствовал это. Он решил идти до зенита солнца так далеко, куда дойдёт. А когда наступит полдень, он повернёт обратно и, заложив дугу, вернётся к берлоге. Он хорошо ориентировался по солнцу, а сегодня небо встречало день чистотой и ясностью.

Когда совсем рассвело, а он не нашёл жилых нор или куропаточьих гнёзд, Баки почувствовал запах. Ещё тонкий, но запах этот не забудется никогда. Запах людей. Дыма. Жилья. Нечистот и хлева. Это был запах небольшой деревеньки, и Баки не медля пошёл к нему, ломанулся, как ломится испуганный лось через чащу. Пока на самой кромке леса не остановился вдруг в растерянности. Он видел, как женщина несла в деревянном ведре воду, а мужик в распахнутой меховой куртке рубил дрова. Детишки их бегали неподалёку. Как он выйдет к ним? Не испугаются ли его? Не примут ли за нежить или за оголодавшего медведя? Так можно и топором меж глаз получить — Баки не сомневался, мужик казался могучим, на голой лоснящейся груди между полами меховой куртки перекатывались бугры. И обе его руки были на месте.

Пораздумав ещё немного и сделав насечки на деревьях, Баки двинул в обратный путь. Он запоминал дорогу, примечал с какого склона обходил пологий холм, и с какой стороны деревеньки на десяток домов будет лучше выйти из леса, когда он подготовится лучше. В другой раз. Он шёл, хрустя ветками и не таясь. Ноги не хотели слушаться, его тянуло обратно, к жилью, к другим людям со страшной силой. Он переставлял их нарочно, прикладывая к этому всё своё понимание, что должен вернуться. Потому что кто-то внутри него не хотел сейчас уходить. Он мог бы остаться в деревеньке до весны. Наверняка у кого-то из людей там есть лошадь, и они знают, куда ехать, чтобы добраться до города покрупнее. Он мог бы если не выкрасть её, то заработать или обменять на мясо, на шкуры... Наверняка... это был шанс вернуться. Совсем вернуться.

Он шёл, лихорадочно сжимая и разжимая ладонь. Сердце колотилось в ушах, оглушая. Он не обратил внимания на испугнутую перепёлку и не лишь краем глаза заметил удравшего зайца. Из головы не шёл замок отца. Сколько до него ехать верхом? Доехал бы он? И ждал ли его хоть кто-нибудь там, однорукого калеку? Мог бы он ещё послужить своему роду?

<http://erolate.com/book/3459/83625>